

На правах рукописи

Попова Светлана Андреевна

**Ментальная структура «Смех»
в русской языковой картине мира
(на фоне английской)**

специальность 10.02.01 – русский язык
(филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Новосибирск 2018

Работа выполнена на кафедре современного русского языка и методики его преподавания федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»
Трипольская Татьяна Александровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
Плотникова Анна Михайловна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
Крюкова Лариса Борисовна

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Томский государственный педагогический университет»

Защита состоится 20 декабря 2018 г. в 10 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д 212.172.03, созданного на базе ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», по адресу: 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, корпус 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Новосибирского государственного педагогического университета и на сайте ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»
<https://www.nspu.ru>.

Автореферат разослан « ___ » _____ 2018 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

Булыгина
Елена Юрьевна

Общая характеристика работы

Диссертационное исследование посвящено моделированию ментальной структуры «Смех» в русской языковой картине мира как центральной составляющей национальной картины мира. «Английский фон» позволяет вскрыть особенности языкового воплощения ментальной структуры в русской языковой картине мира, а также выявить универсальные черты в ее осмыслении и объективации в языке у представителей разных лингвокультур.

Актуальность данной работы в первую очередь заключается в том, что она выполнена в русле активно развивающегося в современной науке направления – когнитивной лингвистики. Когнитивисты рассматривают язык в качестве основной формы фиксации знаний о мире [Lakoff, Johnson, 1980; Lakoff, 1987; Серебренников, 1988; Кубрякова, 1988; Кубрякова, 1991; Кубрякова, 1994; Кубрякова, 2000; Кубрякова, 2004; Телия, 1988; Уфимцева, 1988; Демьянков, 1994; Кубрякова, Демьянков, 1996; Вежбицкая, 1990; Вежбицкая, 1996; Вежбицкая, 1999; Бабушкин, 1997; Яковлева 1994; Яковлева, 1996; Аскольдов, 1997; Лихачев, 1997; Арутюнова, 1987; Арутюнова, 1999; Арутюнова, 2000; Степанов, 2001; Попова, Стернин, 1999; Попова, Стернин, 2001; Попова, Стернин, 2007; Стернин, 2001; Стернин, 2002; Красных, 2000; Красных, 2003; Залевская, 2001; Залевская, 2002; Залевская, 2003; Залевская, 2005 и др.]. В их работах поднимаются вопросы содержания и структуры основных категорий когнитивной лингвистики: когниции, картины мира, ментальных структур, концептов и способов их моделирования.

На сегодняшний день можно говорить о двух наиболее обоснованных подходах в когнитивной лингвистике: *лингвокогнитивном* и *лингвокультурологическом*. Цель обоих подходов – познание сути языкового сознания и понимание глубинных основ различий между культурами. Однако данные направления различаются исследовательскими векторами: *лингвокогнитивный* подход предполагает изучение специфики национальной концептосферы (языковой картины мира) от индивидуального сознания к культуре (Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. Н. Телия, А. П. Бабушкин, С. А. Аскольдов и др.). *Лингвокультурологический* подход – это направление исследования от культуры к индивидуальному сознанию (С. Г. Воркачев, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, В. В. Красных, В. А. Маслова и др.).

В рамках *лингвокогнитивного* подхода концепты понимаются как индивидуальные содержательные ментальные образования, структурирующие и реструктурирующие действительность. С позиции сторонников *лингвокультурологического* направления концепты рассматриваются как коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры. Для изучения особенностей национальной культуры данная оппозиция не представляется значимой, скорее, важным фактом будет признание того, что концепт является важнейшей культурно значимой составляющей когнитивной системы. Как справедливо заметил В. И. Карасик, *лингвокогнитивный* и *лингвокультурологический* подходы

не являются взаимоисключающими: «концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е., в конечном счете, на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида» [Карасик, 2002, с. 139]. Поэтому разделение на движение вовне (от индивидуального сознания к культуре) и движение вовнутрь (от культуры к индивидуальному сознанию) является исследовательским приемом, в реальности же движение есть целостный многомерный процесс.

Настоящее исследование выполнено в русле **лингвокогнитивного подхода**, и поэтому объектом нашего внимания становится коллективное сознание носителей языка, а конечной целью – выявление и описание глубинных структур этого сознания. Язык в данном случае является ключом к постижению исследуемых ментальных сущностей, поскольку благодаря обработке, упорядочиванию и хранению знаний функционирует как когнитивная система.

В современной когнитивной лингвистике изучены многие ментальные области и способы их языкового представления (например, эмоции, свойства характера и внешности человека, пространственные координаты). Однако это пока мало соотнесенные друг с другом фрагменты картин мира, представленные в разных «ментальных упаковках», поэтому можно говорить о необходимости и возможности следующего этапа в исследовательском поле когнитивной лингвистики: 1) наблюдается тенденция к рассмотрению ментальных структур в аспекте их укрупнения и усложнения [Ефремов, 2009]; 2) производится моделирование сложных участков ментального пространства, предполагающих хранение информации в разных «упаковках», как, например, концепт-образ и сценарий в их взаимосвязи [Трипольская, 1999; Плотникова, 2003; Бычихина, 2004; Бердникова, 2000; Бердникова, 2005; Маринова Е. Д., Евдокимова А. А., 2008; Мальцева, 2009; Боброва, 2017]. В настоящей работе делается попытка соотнести описание ментальных структур, моделируемых в разных форматах (как концепты, фреймы, гештальты и др.).

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью соотнести и соединить разрозненную концептуальную информацию о ментальной структуре «Смех» и описать ее с разных сторон (как образ и сценарий, пребывающие в отношениях включения, пересечения или непересечения), что позволит по-новому взглянуть на данный фрагмент языковой картины мира, на эволюцию языковой системы и динамику языковой картины мира.

Актуальным является также изучение фрагмента русской языковой картины мира на фоне английской, поскольку «фон» другого языка позволяет выявить такие когнитивные характеристики ментальной структуры «Смех», которые не были описаны в работах, сосредоточенных на материале только русского языка.

Объектом данного исследования является ментальная структура «Смех», репрезентируемая лексическими и грамматическими средствами русского и английского языков.

В качестве **предмета** исследования рассматриваются универсальные и уникальные смысловые характеристики анализируемой ментальной структуры в русской языковой картине мира (на фоне английской).

Целью работы является моделирование ментальной структуры «Смех» в русской языковой картине мира. В соответствии с целью исследования в работе ставятся следующие задачи:

1) изучение проблемы соотношения разных типов ментальных структур в ментальном словаре говорящих;

2) разработка методики исследования, предполагающей системно представить разрозненную ментальную информацию о смехе как концепте-образе и как сценарии в соотнесении друг с другом;

3) моделирование семантических полей «Смех» и «Laughter» в русском и английском языках как репрезентантов фрагментов языковых картин мира (с учетом лексического и грамматического материала);

4) реконструкция соответствующей ментальной структуры в русской языковой картине мира (на фоне английской);

5) выявление универсальных и уникальных черт фрагмента русской языковой картины мира (на фоне английской).

Методологической базой исследования является интеграция и паритетность традиционного семасиологического и когнитивного подходов к языку. С одной стороны, при описании языковой картины мира используются традиционные методы и приемы семасиологического анализа, а, с другой стороны, результаты этого анализа осмысляются с когнитивных позиций и выстраиваются ментальные модели. В итоге все частные и общие выводы о когнитивных феноменах строятся на прочном фундаменте языковых значений и устойчивых смыслов презентативных дискурсов. Таким образом, когнитивный анализ ментальной структуры «Смех» опирается на методы семасиологического описания языка (компонентный, дефиниционный и контекстный анализ), результаты которого интерпретируются в когнитивном ключе, а также на методы полевого и сопоставительного исследования.

Материал исследования представлен в виде двух картотек (картотеки словарных статей и текстовых употреблений). Словарная картотека была сформирована в результате направленной выборки из толковых, словообразовательных, системных, фразеологических словарей русского и английского языков, а также двуязычных словарей (русско-английских и англо-русских). Выявлено 415 лексических и фразеологических единиц в русском языке и 231 в английском. Составление контекстных картотек русского и английского языков осуществлялось методом направленной выборки из баз данных Национального корпуса русского языка (в том числе из англо-русского параллельного подкорпуса) и из корпусов английского языка British National Corpus и ABBYY Lingvo. Объем проанализированных контекстов – около 1500 для русского языка и около 1200 для английского.

Научная новизна работы заключена в том, что в ней впервые решен ряд задач: 1) описаны не только лексические средства, с помощью которых репрезентируется ментальная структура «Смех» (изучение которых было

традиционно в моделировании фрагментов картины мира), но и грамматические, позволяющие выявить наиболее глубокие слои исследуемой ментальной структуры; 2) определен и обоснован статус ментальной структуры «Смех» как сложной, воплощаемой в разных ментальных «упаковках» (концепте-образе и сценарии); 3) детально проанализированы и системно описаны образная и сценарная составляющие ментальной структуры в их взаимодействии; 4) ментальная структура «Смех» рассмотрена как фрагмент русской языковой картины мира на фоне английской с последующим выявлением универсальных и уникальных национальных черт.

Теоретическая значимость исследования заключается, во-первых, в том, что построенные нами семантические поля, наряду с лексическим материалом, включают грамматический, который традиционно рассматривался в рамках функционально-семантического поля. Именно гибридный характер семантического поля позволяет описывать сложную ментальную структуру как образ и как сценарий. Попытка нахождения точек соприкосновения между семантическим и функционально-семантическим полем является теоретически значимым моментом для развития теории поля в современной лингвистике. Во-вторых, предпринятая попытка соединить разрозненную ментальную информацию об одном и том же фрагменте действительности и описать ее с разных сторон, выявив образную и сценарную составляющие, позволяет дополнить и углубить существующие представления о типах когнитивных единиц, а также об образах смеха и о сценариях этого действия.

Практическая значимость обусловлена возможностью использования материалов исследования на теоретических и практических занятиях по лексикологии, спецкурсов по когнитивной и сопоставительной лингвистике, лингвокультурологии и на занятиях по русскому языку как иностранному.

Положения, выносимые на защиту:

1. Семантическое поле «Смех», репрезентирующее фрагмент русской языковой картины мира, обладает следующими структурообразующими свойствами: а) моделируется как *гибридное* (т.е. построенное с учетом лексических и грамматических единиц в их взаимодействии); б) включает 3 основные синтаксические модели, в которых реализуется ситуация смеха, а именно: глагольная, наречно-предикативная, метафорическая); в) по категориальному типу является *смешанным*, или *предметно-процессуальным*; г) включает в себя 16 основных лексико-семантических групп (4 ЛСГ глаголов, 6 ЛСГ существительных, 3 ЛСГ прилагательных, ЛСГ наречий, ЛСГ слов категории состояния, ЛСГ междометий), в которых максимальной представленностью отличаются ЛСГ глаголов (и глагольных фразеологизмов) и существительных. Выявленные признаки присущи и соответствующей языковой структуре в английском языке.

2. Семантическое поле «Смех» представлено как самоорганизующийся динамический фрагмент лексической системы русского языка, отличающийся незамкнутостью границ и пребывающий в постоянном движении и развитии. Активные динамические процессы в структуре поля происходят в двух основных направлениях: 1) появление новых лексем и новых значений; 2) перемещение

лексических единиц в семантическом пространстве языка и изменение их статуса в структуре поля.

3. «Смех» понимается как сложная ментальная структура, которая воплощается в разных ментальных «упаковках»: *концепте-образе и сценарии*. Образная и сценарная составляющие ментальной структуры «Смех» вступают в комплементарные отношения, создавая в сознании носителей языка информационное единство, которое определяется тем, что актуализация одной составляющей предполагает облигаторную актуализацию второй.

4. Образная составляющая ментальной структуры «Смех» представлена *системой* следующих метафорических наименований, универсальных для русского и английского языков: 1) *милитарная* метафора: смех как враг/противник/неприятель; 2) *морбиальная* метафора: смех как болезнь/смерть; 3) *натурморфная* метафора: вещественные метафоры, включающие различные виды синестезии; «водная» и «огненная» метафоры; 4) *артефактная*: смех как щит и меч; как лекарство; 5) *зооморфные образы субъекта смеха* (лошадь/осел, гусь/кураца, волк/собака). Специфичность русских зоометафор составляет образ *свиньи* (в отличие от английских, включающих представления о смеющемся как о *гиене*).

5. Русский инвариантный сценарий смеха содержит следующие элементы: *субъект, предикат, каузатор, объект, цель действия, основание оценки объекта, эмоциональный и оценочный компоненты*, а также *способы взаимодействия участников ситуации*. Такая же структура ментального сценария актуальна и для английской языковой картины мира. Инвариантный сценарий реализуется в вариантах доброго или злого смеха/насмешки, дифференцируемых по цели действия и включающих информацию об объекте смеха, а также интенсивности, уместности, возможности/невозможности смеха в конкретной ситуации.

6. В качестве национально-культурных особенностей русского ментального сценария смеха можно выделить следующие: 1) принципиально важно наличие причины смеха как таковой (в английской сценарии, к примеру, более существенна конкретная причина смеха и насмешки – человеческая глупость); 2) в ситуации злого смеха актуальным становится эмоциональное состояние объекта – обида/смущение/унижение (тогда как в английской сценарии важны ощущения субъекта, а именно его чувство собственного превосходства, высокомерие и презрение по отношению к объекту, обычно демонстрируемые мимически); 3) обозначение морального запрета на смех над определенным объектом (*святыни, предметы культа, физические недостатки человека* и т.п.) закреплено в русском языке посредством уникального сценария *глумления*.

7. Обнаружены 3 универсальные сценарные модели, описывающие смеховую ситуацию в русской языковой картине мира: 1) сценарий военных действий/борьбы/схватки между субъектом и объектом смеха (подсценарий игрового нападения субъекта на объект смеха); 2) сценарий военных действий/борьбы/схватки между субъектом и самим смехом; 3) сценарий смеха как болезни (а) подсценарий болезненного состояния субъекта смеха; " " б) подсценарий заразительного смеха).

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены в виде докладов на всероссийских и международных научных конференциях: Четырнадцатых, Пятнадцатых и Шестнадцатых Филологических чтениях (октябрь 2013, апрель 2014, октябрь 2014, апрель 2015, октябрь 2015, апрель 2016, октябрь 2016, Новосибирск), на Международной научно-практической конференции молодых ученых (18-23 апреля 2016, Томск). Содержание работы отражено в 7 публикациях, в том числе 3 в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка принятых сокращений, списка литературы, включающего 249 наименований (из них 38 лексикографических источников). Общий объем работы составляет 223 страницы.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность и новизна темы исследования, представлены объект, предмет, практический языковой материал, устанавливаются цель и задачи работы, описывается теоретическая и практическая значимость, перечисляются методы исследования, выдвигаются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Основные проблемы моделирования языковой картины мира»** описываются особенности становления лингвокогнитивного направления в отечественном языкознании, анализируются основные положения работ, послужившие теоретической и методологической основой исследования, осмысливается методология когнитивного анализа. Уточняется используемый терминологический аппарат, рассматриваются понятия картины мира и языковой картины мира, ментальной структуры как родового понятия и лакунарности.

Понятие «картина мира» предстает в теории как концептуальная и языковая картины мира, которые соотносятся друг с другом иерархически. *Концептуальная картина мира* (далее – ККМ) – это система мнений и знаний носителя языка о мире, «отражающих его познавательный опыт на доязыковом и на языковом этапах и уровнях», не сводимый к какой бы то ни было лингвистической сущности [Павиленис, 1983, с. 12]. *Языковая картина мира* (далее – ЯКМ) является составной частью концептуальной картины мира и представляет/воплощает ее содержание средствами языка. Вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, под ЯКМ мы понимаем «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа. ЯКМ – это представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [Попова, Стернин, 2007а, с. 54]. Единицей ККМ является ментальная структура, а единицей ЯКМ – ее вербализованный коррелят.

ЯКМ принято называть *наивной* и противопоставлять научной КМ [Апресян, 1995а, с. 57]. Наивность связана с отражением обыденного восприятия явлений в противоположность их научному объяснению. Привязанность ЯКМ к особенностям того или иного этноса дает основание для использования термина

национальная языковая картина мира. «Национальных картин мира столько же, сколько языков, каждый из которых отражает уникальный результат многовековой работы коллективного этнического сознания над осмыслением и категоризацией бытия человека во Вселенной» [Корнилов, 2000, с. 200].

В диссертационном исследовании мы используем термин *ментальная структура*, которая рассматривается как родовое понятие для *сценария, фрейма, концепта, схемы* и т.д. и является более крупной по объему и более сложной по своему содержанию системой, чем все остальные, выступающие в качестве ее разновидностей. Понятие *ментальная структура* позволяет соотнести между собой разрозненную концептуальную информацию и всесторонне ее описать.

Ментальная структура «Смех» является сложной: ее можно рассмотреть как концепт-представление (или образ) и как концепт-сценарий (в терминах Н. Н. Болдырева) или как статический и динамический фреймы (по М. Минскому). Исследование смеха как образа опирается на анализ метафорических наименований, описывающих представления людей о смехе и его субъекте (*смех предстает в образе врага/противника на войне, болезни, оружия, щита и т.д.*). Изучение сценария предполагает исследование элементов эмоционально-оценочной ситуации смеха: *субъекта, предиката, каузатора/причины, объекта и основания оценки объекта, цели, эмоционального и оценочного компонентов, а также способов взаимодействия участников ситуации.* Образная и сценарная составляющая ментальной структуры «Смех» вступают в комплементарные отношения, создавая в сознании носителей языка некое информационное единство, которое определяется тем, что актуализация одной составляющей предполагает облигаторную актуализацию второй.

Теоретико-методологическими ориентирами для нашего исследования в этом плане стали работы Т.А. Трипольской, А.М. Плотниковой, О. В. Бычихиной, А. Г. Бердниковой, Е. Д. Мариновой, А. А. Евдокимовой, Л. В. Мальцевой, которые рассматривали информацию о внеязыковой ситуации как одновременно существующую в разных ментальных «упаковках». Т. А. Трипольская, О. В. Бычихина и А. Г. Бердникова рассматривали речевые жанры самопохвалы, отказа и благодарности как образы речевых действий и как их сценарии. А.М. Плотникова описывала когнитивный сценарий и образную схему глаголов *победы и поражения*. Л. В. Мальцева исследовала образ и сценарий *горя-несчастья-беды*, Е. Д. Маринова и А.А. Евдокимова – образ и сценарий *joy (радости)* [Трипольская, 1999; Плотникова, 2003; Бычихина, 2004; Бердникова, 2000; Маринова Е. Д., Евдокимова А. А., 2008; Мальцева, 2009;].

Методологической базой исследования является интеграция и паритетность традиционного семасиологического и когнитивного подходов к языку. С одной стороны, при описании языковой картины мира используются традиционные методы и приемы семасиологического анализа (*компонентный, дефиниционный и контекстный анализ*), а с другой стороны, результаты этого анализа осмысляются с когнитивных позиций, в результате чего выстраиваются ментальные модели. В итоге все частные и общие выводы о когнитивных феноменах строятся на прочном фундаменте языковых значений и устойчивых смыслов презентативных дискурсов. Умозаключения о структурах знаний, основанные на языковом

материале, можно назвать «когнитивной интерпретацией». Представляется, что это понятие адекватно отражает сущность когнитивного анализа.

В качестве инструмента исследования ментальной структуры «Смех» мы используем *семантическое поле* (далее – СП). Вслед за Л. А. Новиковым, мы понимаем под СП иерархическую структуру «множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу. С точки зрения идеографического (ономасиологического) описания языка, то есть в направлении от заданного смысла (содержания) к средствам его выражения, лексику можно представить в виде системы взаимодействующих семантических полей, которые образуют сложную и специфическую для каждого языка «картину мира», определяемую его внутренней формой» [Новиков, 1997, с. 458]. Моделируя СП, определяя его связи с другими семантическими полями, мы можем реконструировать картину мира людей (Ю. Н. Караулов, А. А. Уфимцева, Л. А. Новиков, И. М. Кобозева).

При лингвокогнитивном исследовании параллельно используется *сопоставительный метод*, позволяющий выявить языковые средства выражения ментальной структуры на фоне разных языков и, таким образом, описать национальную специфику «мировидения через призму языка». В зеркале другого языка можно выявить такие признаки «родной» ментальной структуры, которые ранее ускользали от внимания. Многие признаки ментального пространства носителю языка кажутся самоочевидными, обязательными, без которых его не существует, однако при сопоставлении с когнитивными признаками аналогичной ментальной структуры другого языка выясняется, что данный признак является ярким, оригинальным, но сугубо интернациональным [Смирнова, 2008, с. 242-243].

При изучении фрагмента ЯКМ на фоне фрагмента другой выявляются лакуны. Термин *лакуна* в свете задач настоящей работы целесообразно применять не только к случаям отсутствия в словарном составе одного языка какой-либо единицы, имеющейся в другом языке, но и в случаях другого рода несовпадений в сопоставляемых языках и культурах: в грамматическом строе, стилистическом плане; при расхождениях, отражающих ментальность разных народов и т.д. (Г. В. Быкова, В. И. Жельвис, И. Ю. Марковина, В. Л. Муравьев, Ю. С. Степанов, Ю. А. Сорокин и др.). Например, лакунарными для других языков будут русские лексические единицы *Несмеяна, шут гороховый, глумиться* и др.

Фоном для уточнения специфики отображения представлений о смехе в русской языковой картине мира послужили исследования смеха в гуманитарных науках. В психологии смех рассматривается как особый способ выражения эмоций и высший психический процесс. Отдельным предметом исследования становится юмор, чувство юмора и вообще психология комического (З. Фрейд, Д. Флагел, М. Чойси, Е. Крис). В рамках других гуманитарных наук (философии, культурологии и особенно литературоведения) смех рассматривается как система художественных приемов создания комического [Борев, 1957; Борев, 1970; Борев, 1997; Дземидок, 1974; Бахтин 1990; Карасев, 1989; Карасев, 1996; Пропп, 1999; Чернобров, 2006]. Важными и актуальными для настоящего исследования являются построенные литературоведами и философами классификации смеха [Карасев, 1989; Карасев, 1996; Пропп, 1999]. В ряде

философских, социологических, культурологических работ рассматривается генезис смеховой культуры средневековья [Бахтин, 1990] и специфика отечественной смеховой культуры Древней Руси [Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В, 1984; Аверинцев, 1992; Аверинцев, 1993; Пропп, 1999]. Наблюдение философов и литературоведов явно опережают исследователей когнитивного уровня в структуре языковой личности; результаты, полученные когнитивистами, в ряде случаев подтверждают, уточняют и дополняют выводы других гуманитарных изысканий. Так, в настоящем лингвокогнитивном исследовании развивается мысль, высказанная психологами, о том, что смех есть механизм психологической защиты. «Добрый» и «злой» смех [Пропп, 1999] описываются нами как ментальные сценарии, дифференцируемые по цели действия. Исследование метафорических наименований смеха и его субъекта в русском языке подтверждает мысль об амбивалентности смеха [Лихачев, 1984; Бахтин, 1990; Троицкий, 2006 и др.]: смех как болезнь и как свидетельство душевного здоровья, как лекарство; смех-оружие и смех-щит и др.

Вторая глава «Моделирование семантического поля «Смех» в русском языке» посвящена реконструкции семантического поля «Смех» как репрезентанта фрагмента русской языковой картины мира. В качестве сопоставительного фона привлекаются данные одноименной языковой структуры английского языка – семантического поля «Laughter», анализ которого позволяет выявить универсальные и уникальные черты языкового воплощения ментальной структуры «Смех» в русской языковой картине мира.

Реконструкция семантического поля «Смех» в русском языке (на фоне английского) проводится на основе анализа данных толковых, словообразовательных, системных, фразеологических словарей русского и английского языков, а также двуязычных словарей (русско-английских и англо-русских).

Семантическое поле «Смех», репрезентирующее фрагмент русской языковой картины мира, моделируется как *гибридное* (т.е. построенное с учетом лексических и грамматических единиц в их взаимодействии) и включает в себя: 1) 16 *основных лексико-семантических групп*, в которых максимальной представленностью отличаются ЛСГ глаголов (и глагольных фразеологизмов) и существительных; 2) 3 *основные синтаксические модели*, в которых реализуется ситуация смеха (глагольная, наречно-предикативная, метафорическая).

Лексемой, представляющей/номинирующей СП в русском языке, является существительное *смех* (ср.: в английском – *laughter, laugh*). При анализе частеречного состава макропарадигмы обнаруживается, что в нем приблизительно в равной степени представлены и существительные, и глаголы (и примыкающие к ним глагольные фразеологизмы). В связи с этим СП в русском языке (как и в английском) определяется, с одной стороны, как *предметное*, с другой стороны, как *процессуальное*, т.е. является *смешанным*.

В ядро СП «Смех» в русском языке входят лексемы, семантические наиболее простые и наиболее полно отражающие идею поля: *смех* (ЛСВ-1), *смеяться* (ЛСВ-1), *засмеяться*, *рассмеяться*, *отсмеяться*, *просмеяться*, *смешной*, *смешно₁* (наречие) и *смешно₂* (слово категории состояния). В составе их значений присутствуют интегральные семы: ‘звук’, ‘движения лица/ тела’, ‘эмоциональное

состояние', 'причинность'. (Ср.: к ядерной зоне СП в английском языке относятся: *laughter, laugh₁* (ЛСВ-1) и *to laugh₂* (ЛСВ-1), *funny* (ЛСВ-1), *funnily, what fun! how funny*).

Выделено 16 основных лексико-семантических групп (ЛСГ) слов, составляющих центральную и периферийную зоны СП «Смех» и объединяющих слова по некоторым дифференциальным по отношению к имени поля признакам и по деривационным связям: 4 ЛСГ глаголов, 6 ЛСГ существительных, 3 ЛСГ прилагательных, ЛСГ наречий, ЛСГ слов категории состояния, ЛСГ междометий. Количество ЛСГ и наименования частей речи, представленных в СП, совпадают в русском и английском языках.

ЛСГ глаголов и глагольных фразеологизмов (ГФ):

1) глаголы и ГФ, обозначающие процесс смеха, сопровождаемый определенными звуками: *хохотать, хихикать* и т.д. (ср.: *to roar, to chuckle*);

2) глаголы и ГФ, обозначающие состояние предрасположенности к смеху, не сопровождаемое звуками: *улыбаться, усмехаться, ухмыляться* и т.д. (ср.: *to smile, to grin, to smirk*);

3) глаголы и ГФ со значением действий, характеризующих положительное или отрицательное отношение к объекту смеха: *подшучивать, насмехаться, глумиться, издеваться* и т.д. (ср.: *to chaff, to mock, to jeer, to sneer*);

4) глаголы и ГФ со значением действий, совершаемых человеком с целью вызвать ими смех и веселье: *смешить, дурачиться, веселиться* и т.д. (ср.: *to make laugh, to play the fool, to frolic*).

ЛСГ существительных:

1) существительные – наименования типов смеха:

а) по характеру звучания: *хохот, хихиканье* и т.д. (ср.: *a guffaw, a chuckle*);

б) по характеру отношения (отрицательного / положительного) к объекту смеха: *насмешка, глумление, издевка* и т.д. (ср.: *a mock, a jeer, a sneer*);

2) существительные – наименования мимики, показывающей расположение к смеху: *улыбка, усмешка, ухмылка* и т.д. (ср.: *a smile, a grin, a smirk*);

3) существительные – наименования субъектов смеха по поведению или характеру: *насмешник, зубоскал, юморист* и т.д. (ср.: *a mocker, a scoffer*);

4) существительные – наименования объектов, которые могут вызвать смех и веселье:

а) комические жанры и виды искусства: *анекдот, комедия, пародия, цирк* и т.д. (ср.: *anecdote, comedy, parody, circus*);

б) наименования профессий людей, задача которых смешить и веселить других: *клоун, юморист, комик* и т.д. (ср.: *a clown, a humorist, a comedian*);

в) специальные наименования объектов смеха: *посмешище, шутка, комедия* («любой смешной случай») и т.д. (ср.: *a laughing-stock, a joke, a farce*);

5) существительные – наименования качеств и свойств субъектов и объектов смеха:

а) качества и свойства субъектов смеха: *веселость, шутливость, смешливость* и т.д. (ср.: *hilarity, jocosity, risibility*);

б) качества и свойства объектов, способных вызвать смех: *комичность, смехотворность, нелепость* и т.д. (ср.: *comicality, laughableness, absurdity*);

б) существительные – наименования занятий с целью веселья, развлечения: *забава, развлечение, пирушка* и т.д. (ср.: *amusement, revelry*).

ЛСГ прилагательных:

1) прилагательные, характеризующие смех: *насмешливый, сардонический, саркастический* и т.д. (ср.: *quizzical, sardonic, sarcastic*) [Кузнецов, 2005];

2) прилагательные, характеризующие лицо по поведению или по характеру: *весёлый, ироничный, насмешливый* и т.д. (ср.: *hilarious, ironic, derisive*);

3) прилагательные, характеризующие объекты, которые могут вызвать смех: *забавный, потешный, юмористический* и т.д. (ср.: *amusing, funny, humorous*).

ЛСГ наречий тесно связана в СП «Смех» словообразовательными связями с ЛСГ прилагательных: большинство русских (и английских) наречий образуются суффиксальным способом при помощи суффиксов «-о-» («-ly -»). Наречия, представленные в ЛСГ, обозначают образ действия субъекта смеха: *весело, забавно, комично* (ср.: *gaily, jokingly, humorously*).

ЛСГ слов категории состояния в русском языке имеет тот же состав, что и ЛСГ наречий (*смешно, весело, забавно, потешно* и др.), но в отличие от наречий СКС употребляется в роли главного члена безличного предложения и имеет соответствующую семантику, как в примере: *Верблюд плюется, от чего детям смешно* (М. И. Сайтов. Островки). Ср.: *what fun! how funny!* (как смешно). СКС может содержать семантику оценки, как видим из примеров: *Смешно, конечно, утверждать, что это нежно-любопытное отношение к «женщине» было у Розанова только «идейным»* (З. Н. Гиппиус. Задумчивый странник).

ЛСГ междометий в русском языке включает лексические единицы, воспроизводящие звуки смеха: *ха-ха-ха, а-ха-ха-х, га-га-га, бу-га-га, хи-хи-хи, хе-хе-хе, хо-хо-хо, хы* (Ср. в английском языке: *ha-ha, he-he, ho-ho, huh*). Русские и английские междометия выражают широкий спектр эмоциональных состояний и имеют как звукоподражательный характер, так и оценочный.

Распределяя лексические единицы каждой ЛСГ по зонам СП, к его центру мы относим стилистически нейтральные, обладающие высокой частотностью лексем, но семантически более сложные, чем ядерные, в которых, кроме интегральных сем, присутствуют дифференциальные ('громкость', 'интенсивность', 'зло', 'ущерб' и др.), например: *смеяться* (ЛСВ-2), *шутить, насмехаться, хохотать, насмешка, шутка, забавный* и т.д. Ближайшую периферию составят стилистически нейтральные, менее частотные лексические единицы, которые характеризуются минимальной зависимостью от контекста (*осмеивать, высмеивать, пошутить, глумиться* и др.). На дальней периферии располагаются стилистически ограниченные и эмоционально-окрашенные лексем (разговорные *измываться, подтрунивать, ржать, фыркать, издевка, прикольный* и т.д., книжное *надругаться*). В зону крайней периферии войдут лексем, обладающие низкой частотностью и имеющие яркие стилистические и эмоционально-экспрессивные семы (устаревшие *гаганить, гагарить, греготать, порскнуть, скоморох*, разговорные *гогот, балагур*, книжное *сардонический* и др.), а также употребленные не в основном значении (*закатываться, покатываться*).

Лексические данные СП «Смех» свидетельствует о значимости двух главных участников смеховой ситуации (субъекта и объекта), а также типов смеха. Так, существительные, входящие в СП «Смех», называют субъектов (*хохотун, насмешник, пересмешник, весельчак*) и объектов смеха (*посмешище, конфуз, курьёз, клоун, комедия*), а также описывают их опредмеченные качества (*насмешливость, желчность, саркастичность, комичность*) и действия (*насмешка, глумление, издевательство*).

Глаголы и примыкающие к ним глагольные фразеологизмы, которые обозначают процесс смеха, сопровождаемый звуками, описывают смех как проявление эмоционального состояния субъекта: *хохотать, заливаться, закатываться, покатываться, хихикать, фыркать, прыскать, гаганить, гагарить, гоготать, греготать, грохотать, порскнуть, надрываться, ржать; умереть/помереть/лопнуть/покатываться/кататься/валяться со смеха; закатываться/разразиться/заливаться смехом, хвататься/держаться за животы/животики, смехом бока насадить, надирать животы/животики/кишки (смехом), смеяться до упаду/до слёз, трястись/плакать от смеха, ржать как лошадь, хрюкать от смеха* и др.

Ср. в английском языке к данной ЛСГ относятся: *to break up, to chortle, to chuckle, to cackle, to crack up, to hee-haw, to roar, to scream, to twitter, to giggle, to guffaw, to snicker, to snigger, to titter, to bray, to bellylaugh; to be convulsed/to shriek/to roar/to howl/ to die with laughter, to laugh oneself silly/ sick/limp, to roll in the aisles, rolling on the floor laughing* и др.

Анализ глаголов и ГФ, обозначающих действия, которые описывают положительное/отрицательное отношение смеющегося к объекту смеха, показывает, что смех – это не только эмоциональная, но и рационально-оценочная реакция. Смеющийся человек посредством смеха выражает свое отношение к тому, над чем смеется, оценивает его. К глаголам, описывающим положительное отношение к объекту смеха относятся: *подсмеиваться, шутить* (ЛСВ-2), *подшучивать, трунить, подтрунивать* и др. Глаголы и ГФ, описывающие отрицательное отношение к объекту смеха, включают следующие лексем и фразеологические единицы: *насмехаться, засмеять, высмеивать, осмеивать, глумиться, издеваться, изыматься, надругаться, кощунствовать, вышучивать, подымать на смех/на зубки, выставять на смех, прохаживаться на чей счет* и т.д. Ср.: в английском языке в данную ЛСГ входят: *to banter, to chaff, to jolly, to josh, to kid / to scoff, to fleer, to sneer, to flout, to mock, to ridicule, to jeer, to deride* и т.д.

Выявляется оппозиция «добрый» (выражающий положительное отношение субъекта к объекту) – «злой» смех (как выражение отрицательной оценки к объекту), универсальная для русского и английского языков. Причем лексем (и фразеологических сочетаний) для выражения семантики злого смеха (*глумиться, издеваться, to taunt, to sneer* и т.д.) значительно больше, чем для реализации семантики доброго. Это вписывается в общую картину, существующую в европейских языках: отрицательных оценок значительно больше, чем положительных. Ведь говорящим важнее зафиксировать отклонение от нормы (т.е. отрицательную оценку), нежели саму норму (т.е. положительную).

Выявлено 3 синтаксические модели [Цейтлин, 1976, с. 161-163], описывающие ситуацию смеха в русском языке: 1) глагольная; 2) наречно-предикативная; 3) метафорическая.

Глагольная модель является ядерной и представлена в русском языке следующим образом: S (И.п.) + Pr (переходный / непереходный глагол) + Ob (с предлогом или без него), например: 1) *А я уже ничего не боялся, смеялся над ними* (И. Грекова. Хозяева жизни); 2) *Мастера высмеяли Броневского за то, что он не знает терминологии* (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок).

Наречно-предикативная модель состоит из следующих элементов: S (факультативный) (Д.п.) + Pr (слово категории состояния) + Ob (факультативный). С помощью этой модели может передаваться семантика как состояния (см. пример-1), так и оценочности (см. пример-2): 1) *Ему смешно стало от этой «касторки». Он посмеялся...* (Василий Шукшин. Штрихи к портрету); 2) *И мне смешно и досадно, когда нынешние смельчаки из молодых берутся рассуживать, зная лишь две краски – черную да белую, деля тогдашний мир на коммуняк и всех остальных* (Сергей Баймухаметов. Пилигримы).

Ситуация смеха передается и через метафорическую модель, которая включает в себя: S (И.п.) + Pr (глагол) + Ob, например: 1) *Спазматический смех овладел мною* (А. И. Герцен. Былое и думы); 2) *Смех душил Ларису, она никак не могла закончить фразы* (С. М. Голицын. За березовыми книгами).

Языковые средства ядра и периферии построенного нами «гибридного» СП оказываются значимыми для реконструкции фрагмента ЯКМ. Так, основой для моделирования инвариантного сценария смеха, в котором мы выделяем следующие составляющие: *субъект, объект, причину* смеха (и другие элементы, описывающие данное событие), служат ядерные и центральные лексические и грамматические единицы СП. При описании образной составляющей ментальной структуры «Смех» мы работаем преимущественно с метафорическими единицами и сочетаниями, входящими в периферийную зону семантического поля (*умирать со смеху, прыснуть, хрюкать от смеха* и др.).

«Смех» видится нам как самоорганизующийся динамический фрагмент лексической системы языка, пребывающий в постоянном движении и развитии. Активные процессы в данном СП в первую очередь касаются изменения состава лексико-семантических групп глаголов (с примыкающими к ним глагольными фразеологизмами) и существительных и происходят в двух основных направлениях. С одной стороны, появляются новые лексемы (*петросянить, петросянство, смайлик, ЛОЛ, РОФЛ, рофлить, ржунемогу, пацталом* и др.) и новые значения (*стебать, стегать, угарный, приколы* и т.д.). Пополнение новыми единицами лексико-семантических групп с семантикой осмеяния (*приколоться, стегать* и др.) может быть связано со злободневной потребностью русского социума смеяться над кем-то, высмеивать кого-либо.

С другой стороны, происходит потеря актуальности некоторых слов для носителей языка и выход их из употребления (например, *буффон, смехун, гаер, паяц, фигляр, скоморох* и др.), т.е. перемещение их в периферийную зону (дальнюю и крайнюю периферию) словаря. Вместе с уходом «шутовской»

лексики уходит и определенный пласт смеховой культуры – происходит частичная смена смеховой парадигмы.

Третья глава «Моделирование ментальной структуры «Смех» в русской языковой картине мира (на фоне английской)» представляет собой реконструкцию сложной ментальной структуры «Смех» в русской языковой картине мира как концепта-образа и сценария (с привлечением в качестве сопоставительного фона материала английского языка).

Реконструкция фрагмента русской картины мира (на фоне английской) проводится с опорой на материалы построенного ранее семантического поля и с привлечением данных корпусной лингвистики (Национального корпуса русского языка, British National Corpus и АБВУЯ Lingvo). Таким образом, моделирование ментальной структуры «Смех» опирается на традиционные методы семиологического анализа (компонентный, дефиниционный и контекстный анализ) с дальнейшей когнитивной интерпретацией полученных результатов.

Основой для моделирования образной составляющей смеха послужили метафорические единицы и сочетания, относимые нами к периферийной зоне семантического поля «Смех» (ЛСГ «Глаголы и ГФ, описывающие процесс смеха, сопровождаемый звуками»).

Ядром ментальной структуры «Смех» является чувственно-наглядный образ субъекта смеха, который возникает в нашем сознании, когда мы представляем себе смеющегося человека. Наглядным изображением смеющегося является и детский рисунок ☺, и разнообразные смайлики.

«Смех» как образ опирается на комплекс/систему универсальных для русского и английского языков метафорических наименований, описывающих представления людей о смехе и его субъекте – носителе того или иного эмоционального состояния: 1) *милитарная метафора*: смех как враг/противник/неприятель; 2) *морбиальная метафора*: смех как болезнь/смерть; 3) *натурморфная метафора*: вещественная метафора, включающая различные виды синестезии (слухо-зрительная, слухо-вкусовая, слухо-гравитационная, слухо-температурная, слухо-тактильная); «водная» и «огненная» метафоры; 4) *артефактная*: смех как щит и меч; как лекарство; 5) *зооморфные образы субъекта смеха* (лошадь, осел, гусь, курица и др.).

1. В русском языке смех персонифицируется, осмысляется как *живое существо*. В рамках *антропоморфной* мы рассматриваем *милитарную/военную* метафору. В сознании носителей русского языка смех предстает в образе *врага/противника* на войне. Он может внезапно *напасть* на человека и *охватить* его: *Бог с вами! смех нападет такой, что за живот хватаешься* (Н. В. Гоголь. Вечер накануне Ивана Купала). Смеющийся часто выступает в роли пассивного объекта воздействия, который не в силах противостоять смеху.

Смеющийся также может занимать позицию активно действующего субъекта, вступившего в схватку со смехом и пытающегося оказать ему сопротивление. Человек начинает *бороться*, хочет *справиться* со смехом-противником, *подавить*, *сдержат*, *укротить* его, например: *Я попыталась справиться со смехом, но потерпела сокрушительную неудачу* (Дарья Донцова. Доллары царя Гороха). Человек может проиграть сражение со смехом и не суметь

удержаться. Ср. в английском: *I couldn't help but laugh* (Richelle Mead. Shadow Kiss). – **Я не могла удержаться от смеха.**

Как враждебное человеку существо, смех настроен достаточно агрессивно. Чтобы одержать победу в схватке, он воздействует на физическое состояние человека: *разбирает* его, не дает ему спокойно дышать, *душит*: **Смех эффективнее подушки душит меня** (Варвара Синицына. Муза и генерал). Ср. также: *His laughter choked him and he coughed into his handkerchief* (John Steinbeck. The Moon is Down). – Его **смех душил его**, и он кашлянул в платок.

Одержав победу над человеком, смех *берет* его в плен и *не отпускает* его: 1) *Бывает, встанешь утром, ещё ничем-ничего, ещё даже не позавтракал, а уж смех берёт* (Василий Шукшин. Печки-лавочки); 2) *Истерический смех не отпускал нас несколько минут* (Евгений Прошкин. Механика вечности). Смех овладевает субъектом, подчиняет его себе, становится хозяином человека: *Спазматический смех овладел мною* (А. И. Герцен. Былое и думы).

2. Потеря контроля над физическим и психическим состоянием человека при смехе осмысливается носителями русского языка через *морбиальную метафору* (смех как болезнь/смерть). Представления социума о болезненном смехе формируются на фоне представлений о здоровом – таком, который свойственен здоровому человеку: *веселый, залиvistый, звонкий, радостный*.

Образ смеха как болезни включает в себя определенные физиологические симптомы и особенности поведения человека, находящегося в состоянии сильного смеха, универсальные для русского и английского языков:

1) непровольные движения тела, изменение положения тела в пространстве (*валяться со смеху, дрожать от смеха*, ср.: *to roll in the aisles*);

2) нарушение пищеварительной системы (смеяться до икоты/до коликов/ до боли в животе, ср.: *to burst/rupture a gut*);

3) нарушение дыхания (*задышаться от смеха, давиться/захлебываться смехом, смех душит*, ср.: *his laughter was choking him*);

4) изменение оттенка кожи (*покраснеть/посинеть от смеха*; ср.: *whispered Mr. Weller, purple in the countenance with suppressed laughter*);

5) нарушение психики и изменение сознания (*смеяться как сумасшедший, смеяться до истерики/до потери сознания*, ср.: *to laugh one's head off*);

6) потеря жизненных функций – смерть (*умирать со смеху, смеяться до потери пульса*, ср.: *to die with laughter*).

Смехом как болезнью можно *заразить* другого человека, например: 1) *И так неожидан был для Копылова результат его слов, так заразителен смех Григория, что он сам рассмеялся* (М. А. Шолохов. Тихий Дон).

В интерпретации смеховой ситуации стирается негативный компонент, который в сознании людей связан с понятиями болезни, смерти. Участники ситуации «понимают», что на самом деле никто не пострадает (не задохнется, не разорвет кишки и т.д.) и не умрет: это такое «смеховое» проживание болезни/смерти.

3. Для русской языковой картины мира актуальна *натуроморфная метафора* смеха. Смех рассматривается как *вещество/материал*, как *жидкость* («водная» метафора) и как *огонь* («огненная» метафора).

3.1. Звучание смеха может восприниматься и оцениваться как *вещество/материал*, обладающее определенными свойствами: *цветом, вкусом, весом, температурной характеристикой, определенной фактурой*. Так же метафоризируется и наше представление о звуке вообще [Мишанкина, 2002]. При этом источником образования метафор, описывающих смех как вещество/материал, является *синестезия*: *В наступившей тишине неестественно радостно зазвенел серебристый смех Вероники* (Андрей Белянин. Свирепый ландграф).

Восприятие звучания смеха синестетически связано с визуальным восприятием цвета и света (*слухо-зрительная синестезия*). Смех может быть *светлым* или *ярким*, например: *Марьяна опять засмеялась своим светлым, счастливым смехом* (Л. Н. Толстой. Казаки).

Аудиально воспринимаемый звук смеха интегрируется с вкусовыми ощущениями (*слухо-вкусовая синестезия*): смех наделяется *сладким* или *горьким* вкусом, например: *Тут – сладкий смех, тут поцелуй легчайший* (Борис Евсеев. Евстигней) Ср.: *There was a low, sweet ripple of laughter* (Bram Stoker. Dracula). – Вслед за этим раздался тихий **сладкозвучный смех**.

Слухо-гравитационная синестезия построена на том, что смеху в русском языке приписываются весовые характеристики: бывает *легкий* или *тяжелый* смех, например: *И Варвара первая залилась легким, бездумным смехом* (Федор Абрамов. Братья и сестры).

Смех приобретает температурную характеристику (*слухо-температурная синестезия*) и может быть *горячим, теплым, прохладным, холодным*, например: *Старик смеётся холодным смехом, словно битое стекло в горле у него* (Максим Горький. Лето). Ср.: *The fox's cold laughter joined hers* (Peter Beagle. The Innkeeper's Song). – Лис вторил ей своим **холодным смехом**.

Образ звучания смеха в русском языке соединяется также с тактильными ощущениями (*слухо-тактильная синестезия*). Бывает *бархатный, шелковый, мягкий, жесткий, сухой* смех, например: *Невеста рассмеялась глубоким, бархатным смехом* (С. Т. Григорьев. Александр Суворов). Ср. также: *Taliesen gave a dry laugh. 'Girl?'* (David Gemmell. The Hawk Eternal). – «Девочка?» – с **сухим смешком** повторил Талиесен.

3.2. В русском языке смех интерпретируется, как и все эмоции в целом [Арутюнова, 1999], через образ вещества определенной консистенции – *воды/жидкости*, заполняющей человека изнутри. Смех, как вода, может *журчать, литься, выливаться из человека*, как видно из примеров: *Тоня зажурчала серебристым смехом* (Екатерина Маркова. Каприз фаворита). Ср.: *Laughter is easier minute by minute, spilled with prodigality* (F. Scott Fitzgerald. The Great Gatsby). – Смех с каждой минутой **льется** все свободней, все расточительней.

Смех как жидкость может заполнить человека до такой степени, что он может сначала *прыснуть со смеху*, а затем и *залиться* им; субъект может даже *захлебнуться смехом* или *лопнуть*: 1) *Но девушка вдруг прыснула и залилась смехом, махая руками* (Аркадий и Борис Стругацкие. Улитка на склоне); 2) *Он захлебнулся от смеха и убежал за кулисы* (Владлен Давыдов. Театр моей мечты).

Способность смеха как жидкости заполнять как человека, так и пространство вокруг интерпретируется через образ конкретного водного объекта,

отличающегося большим размером, – моря, например: **море веселого смеха** (Наталья Алексеева. Волшебники // «Огонек». № 13, 1970). Смех, как и море, ведет себя беспокойно: постоянные *всплески, волны, приливы смеха*.

Стихийность состояния субъекта при смехе осмысливается носителями русского языка через образ стихийных природных явлений: *бури, урагана, ливня*, сопровождающегося *громом* и *грозой*: 1) *Поднялась новая буря смеха* (Аркадий Львов. Двор); 2) *Я еще застал Акимову, <...> вносящую с собой ураган смеха всякий раз, как выходила на сцену* (С. М. Волконский. Мои воспоминания); 3) *Раздались в ответ на это громовые раскаты смеха* (Л. А. Чарская. Веселое царство). Ср.: *That brought gales of laughter* (Robert Jordan. The Eye of the World). – Это предположение вызвало бурю/шторм смеха.

3.3. «Огненная метафора», как и «водная», тоже общеэмоциональна. Смех предстает в сознании носителей русского языка в образе *огня*, который может сначала *вспыхнуть*, а потом *угаснуть/погаснуть*, например: *Я <...> услышала смех, вспыхнувший за моей спиной* (Елена Чижова. Лавра // «Звезда», 2002); *Тотчас же этот нелепый смех погас* (Л. Н. Андреев. Дневник сатаны).

Сила смеха-огня настолько велика, что может привести к *взрыву смеха* (ср.: *a burst of laughter*).

4. В рамках *артефактной метафоры* мы рассматриваем образы смеха как *оружия, как щита* и как *лекарства*.

Носителями русского языка смех/насмешка мыслится как *оружие*, которым можно *поранить* и даже *убить* того, над кем смеются, сделать ему *больно*, как видим из примеров: *Тут я на собственном опыте увидел, что смех – самое страшное оружие: смехом можно убить все – даже убийство* (Е. И. Замятин. Мы). Ср.: *The human race has only one really effective weapon and that is laughter* (Mark Twain). – Человеческая раса имеет только одно действительно **эффективное оружие**, и это **смех**.

Внутренняя форма некоторых русских лексем, передающих семантику смеха над кем-то, содержит идею *острого* и *колющего* предмета: *приколоться/прикол, подколоть/подкол, уколоть/укол, острить/острота*.

Представления о смехе в русском языке отличается амбивалентностью: с одной стороны, смех воспринимается как *оружие*, с другой, как *щит*: *И смехом этим защищается* (Дон Аминадо. Поезд на третьем пути). Ср. в английском языке: *And laughter like a shield...* (Bessy Cole. The Clown Song). – И смех, как щит...

Амбивалентность смеха также заключается в том, что, с одной стороны, он осмысливается как *болезнь*, с другой – как *лекарство*. *Смех* улучшает состояние человека, *лечит* его, продлевает ему жизнь: *Смех прибавляет сил* (Родион Нахапетов. Влюбленный); *Смех продлевает жизнь* (Татьяна Савельева. Уж почта осенью дышала). Ср.: *Laughter is the best medicine*.

5. В рамках *зооморфной метафоры* смех рассматривается как *звукоподражание животным*. Смеющийся человек может представляться носителям русского языка в образах разных животных и птиц. Образы животного из семейства лошадиных и семейства волчьих (*лошади/осла* и *волка/собаки*), образ *курицы* и *гуся* – универсальные зооморфные наименования субъекта смеха, что было выявлено путем соотнесения материала русского языка с материалом

английского: *Кругом кудاختали от смеха* (Е. И. Замятин. Мученица науки); *Люди выли от смеха* (Дарья Донцова. Доллары царя Гороха); *Они ржут, как жеребцы* (Александр Савельев. Аркан для букмекера) (Ср.: *This fake laughter sounds like a horse neighing*. – Этот фальшивый смех звучит как ржание лошади).

На фоне выделенных универсалий можно говорить и об уникальных русских зооморфных образах. Субъект смеха в русском языке вынужден хрюкать, как свинья, например: *Я хрюкнул от смеха* (Г. А. Гордиенко, Руна смерти).

Ментальный сценарий смеха отражает сложный процесс взаимодействия субъектов смеха и/или воздействие одного коммуниканта на другого посредством смеховой эмоционально-оценочной реакции. При моделировании сценариев и их вариантов мы опираемся на ядерную и центральную зоны СП «Смех».

Русский инвариантный сценарий смеха содержит следующие обязательные элементы: *субъект, предикат, каузатор* – и переменные: *объект и основание оценки объекта, цель действия*, а также *способы взаимодействия участников ситуации*. Кроме того, выявляется *эмоционально-оценочный* контекст, в который «погружена» анализируемая ментальная структура, эксплицирующая эмоциональное состояние субъекта и объекта (при его наличии), взаимооценку субъекта и объекта, оценку ситуации ее участниками и окружающими (*эмоциональный + оценочный компоненты*). Такая же структура ментального сценария актуальна и для английской языковой картины мира.

Субъект – активный производитель смехового действия/носитель эмоционального состояния, сопровождаемого или порождаемого смехом.

Предикат – выполняемое субъектом действие. Существует 2 способа выражения эмоционального состояния или оценки в смеховой ситуации: 1) *речевой* – через слова, особую интонацию в голосе; 2) *неречевой* – посредством телодвижений, жестов, мимики, звучащего смеха, поведения человека в целом, например: 1) – *А ведь это ты, Пётра, комара-то ловить ходил! – насмехался Иваишка* (М. Е. Салтыков-Щедрин. История одного города); 2) *Он только насмешиливо улыбался* (А. Ф. Кони. Николай Иванович Пирогов).

Каузатор/причина – это то, что вызывает у субъекта смех (может совпадать/не совпадать с *основанием оценки объекта*).

Объект – то, на что направлено смеховое действие субъекта.

Объект мы считаем переменным компонентом сценария, поскольку он может отсутствовать, например, в той ситуации, когда причиной смеха субъекта становится определенное эмоциональное состояние: *Она <...> начинала смеяться от радости* (Федор Кнорре. Шорох сухих листьев).

Причиной смеха обычно служит что-то конкретное в объекте: его внешность, качества, действия и т.д. Так, в следующем примере объектом является говорящий, причиной насмешки – его желание приобретать старую одежду, *Надо мной насмехались, когда я покупал старую одежду* (Н. С. Гумилев. Африканский дневник). Ср. в английском языке: *He (Clyde) was boasting and being ridiculous and she was laughing at him* (Theodore Dreiser. An American Tragedy). – Он был смешон со своим хвастовством, и она насмехалась над ним (объект – Клайд, причина – его хвастливость).

Основание оценки объекта субъектом [Вольф, 1985] может совпадать или не совпадать с причиной смеха. В следующем примере причиной смеха и одновременно основанием оценки объекта являются смешные жесты девушки и ее растерянное выражение лица: *Она комически развела руками и одновременно пожала плечами и так застыла с обезьяньей греховной мордочкой. Это было очень смешно, и все засмеялись* (Василий Аксенов. Остров Крым). Однако, чтобы выразить отрицательное отношение к объекту, субъект всегда может найти причину или же повод для смеха над кем-либо: *На репетициях начались насмешки над моим видением образа Азучены, <...> просто мне старались выказать своё нерасположение* (И. А. Архипова. Музыка жизни). В данном примере объектом насмешки становится говорящий, основанием оценки – его актерская игра, а вот причиной – недоброжелательное отношение к нему.

Цель – определенное намерение субъекта смеха (в том числе по отношению к объекту, как в примере-2): 1) *Галя долго смеялась, чтобы скрыть досаду* (Симон Соловейчик. Ватага «Семь ветров»); 2) *Каторжные вовсе не смеялись над ним, разве только подшучивали для забавы* (Ф. М. Достоевский. Записки из Мертвого дома). Смех может быть и спонтанной реакцией субъекта, тогда цель отсутствует.

Обнаружены 2 основные цели смеха над другим человеком: 1) причинение морального/психологического вреда объекту (обидеть, оскорбить); 2) выразить несерьезное, шутовское отношение к объекту, развлечься, повеселиться вместе с ним. Например: 1) *Может быть, – с нескрываемой насмешкой и желанием оскорбить* сказал он... (М. П. Арцыбашев. Санин); 2) *Была в нем одна лишь черта, которая <...> возбуждала в его товарищах постоянное желание подтрунить над ним, но не из злобной насмешки, а потому что это было им весело* (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы).

При наличии объекта становятся важными *способы взаимодействия участников ситуации*, предполагающие реакцию объекта на смех субъекта и их дальнейшие взаимоотношения.

Выявлены универсальные черты ментального сценария «Смех. Во-первых, общим для русского и английского языков является наличие двух типов смеха/насмешки, дифференцируемых по цели субъекта: «злой» (*осмеяние, высмеивание, издевка, глумление*) и «добрый» (*подшучивание, подтрунивание, шутка, прикол*). Включение определенного объекта (спортсмен, актер, певец и любая публичная личность) в семантику предиката также универсальная черта сценариев (*освистать, to barrack* и др.).

Обнаружены следующие национально-культурные особенности русского ментального сценария смеха:

1) для русского человека в принципе важна каузация/причинность смеха как таковая (*смех без причины – признак дурачины*), тогда как в английском сценарии становится актуальной конкретная причина смеха и насмешки – глупость людей (*глупое поведение, несурзанный внешний вид, нелепость ситуации*) или то, что видится, кажется субъекту глупым;

2) сценарий «злой» насмешки в русском языке сосредоточен в большей мере на эмоциональном состоянии объекта (ее цель – вызвать чувство обиды/смущения/унижения у объекта) (Ср.: в ситуации «английской» насмешки

становятся важными ощущения субъекта, а именно его чувство собственного превосходства, высокомерие и презрение по отношению к объекту, что часто демонстрируется мимически);

3) обозначение морального запрета на смех над определенным объектом (*святыни, предметы культа, физические недостатки человека*) закреплено в русском языке посредством уникального сценария *глумления*.

Выделены 3 универсальные базовые сценарные модели, описывающие смеховую ситуацию и показывающие взаимодействие образной и сценарной составляющих ментальной структуры «Смех».

1. Сценарий военных действий/борьбы/схватки между субъектом и объектом смеха.

Субъект нападает на объект с помощью *насмешки-оружия*, чтобы его *поранить/убить*, объект *обороняется/защищается* (в том числе *смехом-щитом*) или *лечит* раны *смехом-лекарством*, например: *Совсем парубка засмеяли, что у него и нос опустился книзу, руки-ноги обвисли* (В. Г. Короленко. Судный день); **Он** <...> *не опустит взгляда пред вашими взглядами и гордо подымет свою бесталанную голову, усмехнувшись презрительной улыбкой в ответ на ваши насмешки* (С. Я. Надсон. Дневники);

Подсценарий игрового нападения субъекта на объект смеха.

Субъект не пытается ранить объект, но *смех воспринимается объектом как оружие*, и он вынужден *защищаться*, например: *Богачеву, однако, эта шутка не понравилась: он слез с козел и ударил Куманина кулаком по лицу* (неизвестный. «Шутники» (1904.12.18) // «Московский листок», 1904);

2. Сценарий военных действий/борьбы/схватки между субъектом и самим смехом.

Смех как враг/противник нападает на человека, который пытается бороться с ним и взять ситуацию смеха под контроль, однако чаще всего *смех побеждает*), например: *Борясь с подступающим смехом, я смотрела на косящий глаз* (Елена Чижова. Лавра // «Звезда»); *Неудержимый смех нападает на обоих. Они красны от усилия его сдержать* (А. Н. Вербицкая. Ключи счастья).

3. Сценарий смеха как болезни.

А. Подсценарий болезненного состояния субъекта смеха, включающего информацию о симптомах такой *болезни смеха* от произвольных движений тела, нарушение работы пищеварительной системы и дыхания до потери жизненных функций и смерти, например: *Он смеялся до икоты, до судорог* (Владимир Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина); *Он буквально умирал со смеху* (Е. Ф. Книпович. Об Александре Блоке).

Б. Подсценарий заразительного смеха, в котором смеющийся *заражает* своим смехом-*болезнью* окружающих, но *болезнь* оборачивается *исцелением* – *смех лечит* всех смеющихся, например: *Савелий заразительно засмеялся, и его смех подхватил и капитан; Американец наморщил лоб, пытаясь понять, и вдруг тоже захохотал, да так заразительно, что вызвало новый взрыв смеха и у друзей* (Виктор Доценко. Тридцатого уничтожить!).

Заключение

В ходе исследования был обоснован статус ментальной структуры «Смех» как сложной, воплощающейся в разных ментальных «упаковках»: концепте-образе и сценарии. Моделирование ментальной структуры «Смех» позволило нам выявить, что образная и сценарная составляющие тесно связаны между собой. Образы могут разворачиваться в тот или иной вариант событийного сценария смеха: смех как оружие и как щит, смех как противник на войне – в сценарий военных действий, в котором сосуществуют нападающий и защищающийся. Схватка происходит либо между двумя разными людьми (субъектом и объектом), либо между смеющимся и его смехом. Смех как болезнь и как лекарство разворачивается в сценарий болезненного состояния субъекта смеха и заразительного смеха, передающегося от одного субъекта к другому.

Перспективы дальнейшего исследования лежат в области антропоцентрических направлений современной лингвистики. Нам представляется возможным и актуальным (с опорой на полученные ранее результаты) осуществить лексикографическое описание с учетом когнитивных характеристик лексем в словарях активного типа, проведение полномасштабного сопоставительного исследования с привлечением нескольких языков, описание языковой личности в зеркале разных типов смеха, характерных для нее.

Публикации автора по теме диссертационного исследования

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях:

1. Попова, С. А. Образная и сценарная составляющие ментальной структуры «Смех» в русской языковой картине мира // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 1. – С. 232-238.

2. Попова, С. А. Образный компонент ментальной структуры смех в русской и английской языковых картинах мира // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – № 2. – С. 104–114.

3. Попова, С. А. Ментальный сценарий «Насмешка» в русской языковой картине мира (в сопоставлении с английской) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2016. – № 7. – С. 51-58.

Статьи в других научных изданиях:

4. Попова, С. А. Ментальная структура «Смех» в русской языковой картине мира // Молодая филология – 2013 (I) (по материалам исследований молодых ученых): межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2013. – Ч. 1. – С. 66–70.

5. Попова, С. А. Образная составляющая ментальной структуры «Смех» в русской и английской языковых картинах мира // Молодая филология – 2013 (II) (по материалам исследований молодых ученых): межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2013. – Ч. 2. – С. 78–83.

6. Попова, С. А. Динамические процессы в семантическом поле «Смех» (на материале русского языка) // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2014. – № 3. – С. 91–99.

7. Попова, С. А. Сценарная составляющая ментальной структуры «Насмешка» в русской языковой картине мира (на фоне английской) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов III (XVII) Международной конференции молодых ученых (18-23 апреля 2016 г.) / ред. А. А. Долганина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – Вып. 17. – С. 43-48.